

Глава 33. Императорская семья

Мяньцинъ, Старшее Звездное Сияние Цинь Фэна, находилась уже на шестом месяце беременности. В последнее время по настоянию супруга она почти не касалась дел и практически не покидала поместья, посвящая всё время отдыху и заботе о будущем ребёнке. О том, чтобы она ушла куда-то сама, не могло быть и речи. Ответ напрашивался лишь один: её похитили.

После краткого разбора ситуации главной подозреваемой вновь стала Фэн Лянь, принцесса страны Кунлань, которая по-прежнему преследовала Цинь Фэна, мечтая занять место хозяйки Союза.

Ещё два месяца назад, до начала Собрания Сотни Купцов, Фэн Лянь едва не погубила Мяньцинъ и Пятую Звезду, Чэньшу. И хотя принцесса яростно отрицала свою причастность, почти никто в поместье не верил в её невиновность. Лишь высокий статус гостя и скорое прибытие её брата, Фэн Яна, известного своим тираническим нравом, помешали Цинь Фэну разделаться с ней на месте.

Исчезновение сразу трёх Звездных Сияний стало для Цинь Фэна сокрушительным ударом. Публичное унижение было столь же болезненным, как если бы его на глазах у всей толпы окатили помоями. Предательство одного из элитных скрытых стражей и таинственное молчание другого лишь подлили масла в огонь. Глава Союза не смыкал глаз ночами, снедаемый яростью и тревогой.

Через неудач в сочетании с резкой переменой погоды подкосила даже его крепкое здоровье. Могучий Цинь Фэн слёг с сильной простудой. Впрочем, молодость взяла своё: через два дня лихорадка отступила. Едва встав на ноги, он первым же делом объявил о награде. Тому, кто вернёт его Звездных Сияний живыми и невредимыми, полагалось сто тысяч лянов серебра и три любых редчайших лекарства из тех, что не шли на продажу, а предназначались лишь в дар высшей знати. За любую достоверную информацию обещали тридцать тысяч лянов и три любых снадобья из ассортимента лавок Союза.

В обычное время за такую щедрую награду взялись бы сотни смельчаков, но вести в древние времена разлетались небыстро. Цинь Фэн понимал, что на ожидание уйдут дни, а время работало против него. Стараясь унять снедавшее его беспокойство, он временно передал все внутренние дела поместья и часть обязанностей Мяньцинъ в руки Третьего Звездного Сияния, госпожи Миньянь. Сам же он отправился в город, чтобы лично уладить накопившиеся проблемы в торговых делах.

Пока Цинь Фэн действовал открыто, принцесса Фэн Лянь начала собственную игру. Она тайно руководила частью шпионской сети своего брата, и теперь все её ресурсы были брошены на распространение вести о награде. Через лазутчиков, затаившихся в разных странах, она отчаянно пыталась выйти на след Мяньцинъ. Судьба Лю Ина или Чэньшу её не волновала — более того, она была бы рада их исчезновению, — но безопасность беременного Старшего Звездного Сияния напрямую влияла на её будущее положение в глазах Цинь Фэна. Принцессе во что бы то ни стало нужно было доказать свою непричастность.

Небо медленно накладывало на лик мира густые тени, пока всё вокруг не погрузилось в непроглядную черноту. Улицы города затихли, лишь изредка по черепичным крышам бесшумно проносились кошки. В домах обычных людей мерцали огни свечей, даря покой и уют, но бескрайний императорский дворец застыл в гробовом молчании, мрачный и безжизненный.

Император страны Цанъянь, Дуань Чэнье, стал жертвой покушения. Яд оказался невероятно коварным: помимо «Плывущего света», в крови государя обнаружили и другие токсины. Врачи Императорской академии сбились с ног, верные министры тратили целые состояния, скупая у мастеров боевых искусств любые легендарные противоядия, но силы Дуань Чэнье были на исходе. Пока император медленно угасал, его сыновья впивались глазами в императорскую кисть, с замиранием сердца ожидая, чьё имя будет вписано в указ о престолонаследии. Каждому хотелось стать наследным принцем без кровопролитной войны, которая разорит страну.

В опочивальнях императора неровно подрагивало пламя свечей. На постели, укрытой великолепным красно-золотым шёлком, покоилось измождённое тело. Дуань Чэнье, немного оправившийся, но всё ещё не имевший сил выйти к двору, прислонился к спинке кровати. Он не сводил глаз с молчаливого юноши, стоявшего рядом, и в этом взгляде читалась безграничная отцовская нежность.

— Ты всё-таки пришёл... Я рад, — император негромко закашлялся и жестом остановил главного евнуха, бросившегося ему на помощь. — Ты всегда ненавидел этот дворец, но сейчас ты здесь, со мной.

Цинь Фэн помрачнел, но он продолжал хранить молчание.

Дуань Чэнье печально улыбнулся:

— Верно. Я и сам устал. Пора уходить. В этих стенах слишком холодно... Куда лучше были те дни, когда я странствовал, не зная забот, и жил в маленькой хижине, связанный лишь нитью любви. Хорошо, что ты у меня есть.

— Мне не нужен трон, — резко оборвал его Цинь Фэн. — И твои искупительные подношения мне тоже не нужны.

— Теперь уже поздно раскаиваться. Я виноват перед твоей матерью и не хочу быть виноватым ещё и перед тобой. Я уже подготовил почву в совете, преданные люди поддержат тебя... Пока ты не освоишься, я не покину Чаоянь.

— Простить тебя? — в голосе Цинь Фэна проскользнула горькая усмешка. — Мне не за что тебя прощать. Ты всегда был добр ко мне. Ты предал только мою мать.

Заметив муку в глазах Дуань Чэнье, юноша зажмурился и устало добавил:

— Старик Цинь был твоим тайным агентом в мире коммерции, но он полюбил мою мать всем сердцем задолго до того, как ты обратил на неё взор. Пока ты предавал её, он искал её. Он нашёл её, приютил меня и вырастил как родного сына, так и не заведя собственных детей. Знаешь ли ты, почему мать назвала меня Цинь Фэном? Для него она стала чужой. Пыл угас, любовь — под замком. Пусть же имя Дуань Цинфэн канет в водах реки Циньцзян.

Любовь — как тихая река, а ненависть — как яростное пламя. Но стоит оборвать нить, запечатать чувства, и вся былая страсть растворится без следа в чаше забвения Мэн-по. Союз с императором оказался не красной нитью судьбы, а цепью, сковавшей жизнь женщины. Нить оборвалась, и в следующей жизни они пройдут мимо, не узнав друг друга.

Дуань Чэнье тяжело вздохнул. Он и сам всё понимал. Однажды он потерял возлюбленную, а затем не смог уберечь сына, втянутого в безжалостную дворцовую грызню. Как муж и отец он потерпел крах, и теперь Небеса карали его, заставляя коротать дни в раскаянии и видеть в единственном сыне лишь чужака.

Цинь Фэн не хотел больше мучить этого человека, чьи виски, несмотря на нестарый возраст, уже были белы как снег. Он лишь вздохнул и позволил тишине воцариться в комнате.

Спустя долгое время Дуань Чэнье внезапно горько усмехнулся:

— Как ты считаешь... кто из моих сыновей достоин стать следующим императором Цанъянь?

Он заговорил от лица монарха, переходя к делам государственной важности. Дуань Чэнье мог быть плохим мужем, но он оставался способным правителем, умеющим отделять личное от государственного.

Цинь Фэн всерьёз задумался. Детские воспоминания о дворцовых интригах внушили ему глубокое отвращение к этому месту, к ледяному трону и высокой лестнице, отделяющей правителя от мира. Покойный глава Союза Цинь был ему куда ближе — он не только обучил его искусству ведения дел, но и передал верных стражей, позволив Цинь Фэну наслаждаться свободой, богатством и истинной властью. В мире коммерции он был богом, но здесь, во дворце...

Однако остальные сыновья Дуань Чэнье не блистали талантами. За ними стояли лишь амбициозные советники, а сами принцы были заняты междоусобной грызнёй. Император тратил последние силы, пытаясь удержать их от открытой резни. Среди его сыновей не было ни одного, кто заслужил бы хотя бы скудную похвалу.

Дуань Чэнье не раз предлагал трон Цинь Фэну, но тот упорно отказывался. Торговля привлекала его куда больше короны, к тому же при поддержке императора он и так жил не хуже любого монарха.

Проблема была не только в желании, но и в безопасности. Цинь Фэн знал: как минимум десяток врагов в Цанъяне ведают о том, что он — чудом выживший старший принц. Если он не взойдёт на престол, любой новый император первым же делом поспежит избавиться от столь опасного и богатого конкурента.

— Никто из них не подходит, — честно ответил Цинь Фэн.

— Хорошо. Тогда ты займёшь это место на пару десятков лет. Если понравится — останешься, если нет — вырастишь сыновей и передашь им бремя власти. Я всё решил. Это будешь ты.

Дуань Чэнье жестом пресёк попытку возразить:

— Не спорь, я уже всё подготовил, — он повернулся к евнуху. — Принеси «Священное лекарство».

Цинь Фэн застыл в изумлении. У императора есть Священное лекарство?! Почему же он не принял этот легендарный эликсир, способный вернуть к жизни умирающего, чтобы исцелиться самому?

Дуань Чэнье взял из рук слуги простой белый нефритовый флакон и, заметив недоумение сына, улыбнулся:

— Скажу тебе честно: я получил его только вчера. И за это мне придётся просить у тебя прощения, — император посмотрел с холодным блеском правителя. — Твоего скрытого стража по имени Лори, которого я одолжил несколько дней назад... тебе придётся казнить. Путь за Священным лекарством был слишком труден. Мой начальник тайной стражи, четверо лучших бойцов и старый государственный наставник — все они сложили головы в Святом храме, добывая этот флакон.

«Вслед за Чжайсином и Сюкуном... теперь и Лори?» — сердце Цинь Фэна сжалось от горечи.

— Не печалься, — мягко произнёс Дуань Чэнье. — Я уже подготовил новый отряд стражей. Через полмесяца они прибудут к тебе. Скоро ты станешь императором, твоя безопасность превыше всего. Впрочем, к счастью, ты в боевых искусствах согласишься куда больше моего.

Цинь Фэн промолчал, понимая, что спорить сейчас бесполезно:

— Обсудим это позже. А сейчас прими лекарство. Оно поможет тебе восстановить силы.

Дуань Чэнье покачал головой:

— Нет. У этого снадобья другое предназначение. Завтра я объявлю на весь мир: тот принц, что

принесёт мне Священное лекарство и спасёт мою жизнь, станет наследником престола. Возьми этот флакон и спрячь. Когда придёт время, я дам знать. Ты явишься во дворец как мой спаситель, и тогда никто не посмеет оспорить твое право на трон.

Цинь Фэн остолбенел. В груди вскипело сложное чувство:

— Но ты прикован к постели... Не лучше ли сначала...

— Нельзя, — отрезал император. — Действие Священного лекарства слишком явное, любой заметит перемену. Мой отец принимал его, такую силу не подделать. Я должен выпить его прилюдно, в день, когда признаю тебя. Иди. И не забудь про Лори.

Цинь Фэн молча принял флакон. Камень был ещё тёплым от ладони Дуань Чэнье. Спрятав лекарство, юноша взглянул в полные надежды глаза отца и, подавив вздох, подошёл ближе, чтобы поправить его одеяло.

— Я пойду. Отдыхай. И... лучше покончим с этим поскорее. Тебе нужно лечиться.

Проводив сына взглядом, Дуань Чэнье слабо улыбнулся. Пусть Цинь Фэн так и не назвал его «отцом», его лед явно начал таять. Императору было неважно, восстановит ли он своё здоровье. Для человека, давно потерявшего любовь всей жизни, единственным смыслом осталось искупление вины перед сыном. С этой мыслью он закрыл глаза и погрузился в спокойный сон.

<http://bllate.org/book/17524/1698121>